

«ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» ПО-РУССКИ: К 175-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ

М.А. Сизарева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; msizareva@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются четыре перевода романа У.М. Текерея «Ярмарка тщеславия» на русский язык: ранний перевод И.И. Введенского 1850 г., переводы, выполненные В. Штейном и Л. Гей на рубеже веков, и перевод М. Дьяконова 1933–1934 гг. Перевод Дьяконова, опубликованный с подробнейшими комментариями Г.Г. Шпета в издательстве *Academia*, стал каноническим. Обсуждаются особенности переводческих стратегий: стратегия сотворчества с переводимым автором у Введенского, иногда противоречащая интонации подлинника; стремление Штейна и Гей передать классика «слово в слово», приводящее к затемнению смысла и неловкому синтаксису; и очуждающий, филологически точный подход Дьяконова. На материале писем Дьяконова корректорам издательства демонстрируется, что ориентация на синтаксически и фонетически форенизирующий перевод — это осознанная стратегия переводчика. Отмечается, что в 1953 и 1968 гг. редакторы М. Лорие и Р. Гальперина перерабатывают текст Дьяконова несущественно: вводят уместные эквиваленты, облегчают синтаксический строй фразы и проясняют неясные места; кроме того, в поздней редакции 1968 г. Лорие переводит говорящие имена. Анализируются фундаментальные комментарии Шпета, которые после его ареста в 1937 г. так и не были переизданы. Показано, что, в отличие от сносок в последующих изданиях, комментарии Шпета прежде всего проясняют функцию деталей. Результаты исследования позволяют утверждать, что переводческая стратегия Дьяконова и комментаторский подход Шпета требуют от читателя интеллектуального усилия и направлены на глубокое понимание английской культуры.

Ключевые слова: художественный перевод; филологический перевод; «Ярмарка тщеславия»; актуальность переводов классики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-14

Для цитирования: Сизарева М.А. «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 196–204.

VANITY FAIR IN RUSSIAN: TO THE 175TH ANNIVERSARY OF THE FIRST PUBLICATION

Mariia Sizareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; msizareva@gmail.com

Abstract: The article examines four Russian translations of Thackeray's *Vanity Fair*: the early translation by Irinarkh Vvedenskii; the translations made by V. Stein and L. Gay at the turn of the century, and the translation by Mikhail Dyakonov published in 1933–1934. The latter, canonical for Russian culture, was published with a commentary by Gustav Speth in the *Academia* publishing house. Different translation strategies are discussed: first, Vvedenskii's strategy of co-authorship with the translated author, which is sometimes at odds with the intonation of the original. Secondly, Shtein's and Gay's aspiration to translate an acknowledged classic 'word for word', resulting in obscure expressions and syntactic structures. And finally, Dyakonov's foreignizing, philologically accurate approach. As can be seen on the material of Dyakonov's letters to the proofreaders of *Academia*, syntactically and phonetically foreignizing translation is his conscious strategy. It is noted that the corrections made by the editors M. Lorie and R. Galperina in 1953 and 1968 are mostly insignificant: they incorporate stylistic equivalents, strive for syntactic simplicity and remove ambiguity of certain expressions; besides, Lorie translates charactonyms in a later edition. The article also focuses on Shpet's scholarly commentary, which has not been republished since his arrest in 1937. Unlike footnotes in later editions, Speth's commentary primarily clarifies the function of a particular detail. The analysis demonstrates that Dyakonov's translation method and Speth's approach to the commentary require intellectual effort from the reader and are aimed at a deep understanding of English culture.

Key words: literary translation; artistic-philological translation; *Vanity Fair*; actuality of translating classics

For citation: Sizareva M. (2023) *Vanity Fair* in Russian: to the 175th Anniversary of the First Publication. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 196–204.

В России У.М. Теккерей известен преимущественно как автор «Ярмарки тщеславия». На сегодняшний день существует пять полных русских переводов. Первые появились уже в 1850 г. — анонимный перевод в «Современнике» и перевод И. Введенского под названием «Базар житейской суеты» в «Отечественных записках». Публикация сопровождалась полемикой: А. Дружинин упрекал Введенского в избыточном использовании просторечия, а Введенский критиковал перевод «Современника» за смысловые ошибки и стилистическую разнородность¹.

¹ Об истории полемики вокруг двух переводов — «Базара житейской суеты» и «Ярмарки тщеславия» — см.: [Левин 1985: 123–127].

Следующий всплеск интереса происходит в конце XIX — начале XX вв.: в 1894–1895 гг. выходит перевод В. Штейна², а в 1902 г. — перевод Л. Гей («Ярмарка житейской суеты»³). Практика повторных переводов на рубеже веков может объясняться тем, что за Теккерем закрепился статус классика, которого необходимо передать «слово в слово».

Каноническим — и на сегодняшний день последним — стал перевод М. Дьяконова, опубликованный в издательстве *Academia* в 1933–1934 годах с подробным историко-страноведческим комментарием Г. Шпета⁴. Этот перевод никогда больше не издавался в первоизданном виде: и переводчика, и комментатора расстреляли (Шпета в 1937 г., Дьяконова — в 1938 г.). Комментарии Шпета так и не были переизданы, но перевод Дьяконова продолжал издаваться, без упоминания имени переводчика. Указывались лишь имена редакторов — М. Лорие и Р. Гальпериной в 1953 г., и одной М. Лорие в 1968 г. (можно предположить, что редактура нужна была главным образом для того, чтобы поставить имена редакторов вместо имени репрессированного переводчика).

Хотя переводы 1850 г., в особенности «Базар житейской суеты» Введенского, анализировались и обсуждались довольно подробно [Бородянский 1964; Левин 1985; Ланчиков 2007], переводы рубежа веков, а также перевод Дьяконова с комментарием Шпета не удостоивались внимания исследователей. Цель данной работы — заполнить эту лауну. Мы постараемся проследить, как менялись переводческие стратегии, какие элементы текста сглаживались, а какие акцентировались; а также выявить, в какой мере был переработан текст Дьяконова в редакциях Гальпериной и Лорие и в чем состоит своеобразие научного комментария Шпета.

В русской культуре Теккерей появился благодаря И.И. Введенскому — ревностному почитателю английской литературы и активному участнику литературной жизни 1840–1850-х гг. Подробно его эстетические воззрения и переводческую стратегию освещает Ю.Д. Левин [Левин 1985: 105–143]. В творчестве Теккерей, подчеркивает исследователь, переводчик особенно ценит «народность», сатирическую направленность и точность наблюдений [Левин 1985: 118].

Анализ перевода показывает, что в переводимом авторе Введенский больше всего ценит талант разоблачителя: так, урезая некото-

² Ярмарка тщеславия: Роман без героя // Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1895. Т. 9, ч. 1. — 315 с.; Т. 10, ч. 2 / Пер. В.И. Штейна.

³ Ярмарка житейской суеты: В 2 т. / Пер. Л. Гей. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1902 (Новая 6-ка Суворина).

⁴ Ярмарка тщеславия: Роман без героя / Пер. М.А. Дьяконова; Вступ. ст. Д.А. Горбова; Примеч. Г.Г. Шпета // Собр. соч. М.; Л.: Academia, 1933–1934. Т. 1. — 1933; Т. 2. — 1934.

рые лирические отступления, он заостряет намеки на социальные проблемы. Показательный пример — рассказ о школьных испытаниях маленького Доббина, служащий поводом к лирическому отступлению. В нем повествователь напоминает читателю о детском чувстве покинутости: “*Who amongst us is there that does not recollect similar hours of bitter, bitter childish grief? Who feels injustice...*”

Введенский добавляет отсутствующий в оригинале комментарий, почти вдвое удлиняя пассаж: «*Надобно отдать справедливость: наши английские школы, преимущественно те, на которые правительство не имеет непосредственного влияния, пропитаны злопучным духом, и я не знаю в Европе ни одной страны, которая в этом отношении могла бы померяться с великобританским королевством*». Переводчик ослабляет лиризм интонации и привносит оттенок назидательности, внутренне чуждый интонации Теккерея, у которого на первый план выступает скорее незаметный упрек, подразумеваемый вопрос, чем констатация общественных пороков [Peters 1985: 151].

В отличие от Введенского, переводчики рубежа XIX–XX вв. стремятся строго следовать «букве» оригинала — порой калькируют структуру фразы, при этом сглаживают присущую оригиналу стилистическую разнородность. Близко следуя за авторским текстом, Штейн и Гей прибегают к заимствованиям и нередко допускают лексические ошибки. Так, у Штейна племянник леди Кроули, студент Оксфорда, любитель собак Джеймс почему-то восклицает «*Вот так телятина!*» (вместо экспрессивного, но вполне нормативного ‘gammon’), а одним из университетских увлечений Родона Кроули становятся «ухаживания за женщинами» (вместо ‘the fives court’ — игры в мяч).

Трудности вызывает также передача речевых характеристик. Если Штейн иногда пытается воссоздать неправильность речи персонажей, то Гей почти полностью пропускает фонетические особенности. Конкретные орфографические ошибки мисс Суортц — неловкой, по-своему трогательной героини, наследницы плантаций в Вест-Индии, которую прочат в жены Джорджу Осборну, — Гей заменяет обобщением: «*наделала кучу орфографических ошибок*» (“*She spelt satin satting, and Saint James’s, Saint Jams*”).

Перевод Дьяконова отличается гораздо большей формальной точностью и полнотой, а также стремлением подчеркнуть принадлежность романа к английской культуре. Его «Ярмарка тщеславия» — это пример «филологического» перевода, в котором на первый план выходят признаки культурной чуждости иностранного текста.

О переводческой стратегии Дьяконова можно судить из переписки со Шпетом и корректорами. Так, особое внимание переводчик уделяет стиливым регистрам, стремясь избежать неоправданных неологизмов и архаизации. В письме от 19 января 1934 года секретарь издательства Н. Антокольская сообщает, что Дьяконов «протестует против “оформливая” и “оформить” (ссылаясь на то, что это неологизм для романа XIX века), против “уэст-энд” и “сэндуич” и т. д.» [Густав Шпет... 2012: 266]. В письме от 5 марта 1933 г., адресованном Шпету, Дьяконов критикует редакторские исправления: одни представляются ему бессмысленными («у меня сказано: “сказал”, исправляется: “произнес”, у меня “произнес” — исправлено “сказал”»), другие — ошибочными (произвольная расстановка запятых). Дьяконов отказывается привносить в перевод отсутствующее в оригинале разнообразие глаголов говорения («Вообще “лиловый” редактор почему-то систематически пишет: “заметил”, “подтвердил”, “произнес”, “промолвил” и т. д., когда в оригинале всюду написано просто “сказал”»). Как видно, осознанная ориентация Дьяконова на синтаксически и фонетически «очуждающий» перевод (в одном из писем он просит писать «Найтсбридж», а не «Рыцарский мост»; передавать “Cheltenham” как «Челтенхэм», а не «Чалтенгэм») заметно противоречит складывающейся редакторской традиции, стремящейся адаптировать перевод к широкой читательской аудитории.

Поздняя редакторская правка Гальпериной и Лорие направлена на сглаживание резких особенностей: они делают стиль более привычным, облегчая синтаксический строй отдельных реплик, и вводят в текст уместные стилистические эквиваленты. В XXXIV главе, в которой описывается борьба за наследство леди Кроули, Бьют Кроули негодует по поводу малодушия Питта Кроули: “*The fellow has not pluck enough to say Bo to a goose*”. Дьяконов переводит это выражение следующим образом: «да у него не хватает духу сразиться с гусем». Однако в контексте длинной тирады, в которой брань Бьюта передается вполне нормативными выражениями (“*What the deuce*” ~ «Какого дьявола», “*either of my boys would whop him with one hand*” ~ «Любой из моих мальчиков одолеет его одной рукой»), эта фраза приобретает оттенок индивидуальной странности, которую сглаживают редакторы: в их варианте он «*последний трус*». Кроме того, в поздней редакции частично переведены говорящие имена: Лорие заменяет имя графа Портэншерри (*the Earl of Portansherry*) на «Пуншихереса», а мисс Ментреп (*Mantrap*) на «мисс Вампир».

Переводчики разных поколений по-разному подходят к задаче культурных реалий. Введенский часто вводит внутритекстовый комментарий, выпускает неясные для читателя детали культурного

контекста или заменяет их на более понятные. Например, показная эрудированность Кафа, главного школьного задиры, в оригинале подчеркивается его умением судить об игре английских актеров Кина и Кембла. В переводе Введенского театральная тема опускается, зато на первый план выдвигаются познания Кафа в области древних языков, о которых в оригинале упоминается лишь вскользь (“*He could knock you off forty Latin verses in an hour*”): «*Мистер Кофф, что называется, собаку съел в латинском языке, и мог забросать вас цитатами из Горация и Сенеки. Он писал греческие гекзаметры...*». Следуя В. Ланчикову, который пишет о влиянии культурного фона на стратегию Введенского [Ланчиков 2007: 173–182], можно предположить, что здесь в текст проникает близкая переводчику реалия, — в частности, общее для русской литературы место, когда маркером образованности считалось знание древних авторов (вспомним «Евгения Онегина»: «*Он знал довольно по-латыне, / Чтоб эпиграфы разбирать...*»).

Штейн и Гей оставляют реалии, но редко поясняют их значение⁵. Перевод Дьяконова занимает срединную позицию — переводчику важно подчеркнуть культурную чуждость при сохранении смысловой ясности. Отметим, что английские реалии знакомы переводчику не понаслышке — в 1924 г., по воспоминаниям сына переводчика, он побывал в Лондоне [Дьяконов 1995: 44]. На русскую почву переводчик переносит приметы английской школьной и университетской культуры («фэг»⁶ и “Senior Wrangler”, то есть присуждаемое в Кембридже звание первого по математике), реалии, связанные со спортивными состязаниями (‘batter’ и ‘bowler’ — то есть игрок в крикет и кегли — передается в переводе как «бетсмен» и «боулер»), и английские титулы и чины («бейлиф», «йоменри», «атерни» и др.) — даже в том случае, если для обозначения в русском языке существует вполне точный эквивалент.

Переводчик предполагает, что читатель будет обращаться к комментарию Шпета — уникальному в своей полноте историко-литературному путеводителю по теккереевской Англии⁷. Переводы

⁵ Ср. как Гей и Дьяконов переводят ироничную ремарку о том, как аристократии приятно проявлять снисходительность к слугам. “*There is no more agreeable object in life than to see Mayfair folks condescending*” — «*Мэйфер снисходит, что может быть удивительнее!*» (ЛГ) — «*Нет в жизни ничего приятнее, когда обитатели Мэйфейра проявляют снисходительность*» (МД).

⁶ Ср. русифицированное «денщик» вместо ‘fag’ у Гей и нейтральное «слуга» у Штейна.

⁷ Отметим, что в *Academia* комментарию отводилась особая роль: так, в брошюре «Задачи, перечень изданий, план», изданной к XVII съезду ВКП(б), директор издательства Л.Б. Каменев пишет, что «дать адекватный, точный, и в то же время художественный перевод... кажется мало. Вводя классические произведе-

1850-х гг. выходили без комментариев, а переводы Гей и Штейна сопровождалась редкими непоследовательными сносками, чаще всего поясняющими иноязычные вкрапления. Роль аппарата начинает переосмысляться в советский период: отредактированный перевод Штейна, вышедший в издательстве «Красная газета»⁸ в 1929 г., уже снабжен подробными постраничными сносками, что свидетельствует о попытке демократизации произведений классиков.

Фундаментальный комментарий Шпета, помещенный в конце каждого тома, относится не только к отдельным словам и реалиям, но и к целым фрагментам. Следуя М. Гаспарову, его можно отнести к «промежуточному направлению», расположенному между комментарием к корпусу и комментарием к отдельному слову, при котором «масштаб — комментарий к произведению; предмет — комментарий к литературному фону, к интертекстуальной ткани» [Гаспаров 2004: 70–74]. Шпету, как и Лотману, удастся соотнести комментарий концепционный (то есть историко-литературный и стилистический) и текстуальный (проясняющий особенности быта) — неслучайно его комментарий к «Запискам Пиквикского клуба» Гаспаров считает предшественником лотмановского.

Рассмотрим комментарий Шпета к X главе. В ней мы узнаем о том, что Бекки со своей воспитанницей Розой читает Смоллетта, Филдинга, Кребийона-младшего и Вольтера, в то время как мистер Кроули предпочитает историю Смоллетта и предостерегает героинь от увлечения историей Юма. Выбор оказывается репрезентативен: читатель не просто узнает об образованности Бекки, но может судить о ее литературных вкусах, повлиявших на характер героини. Шпет комментирует содержательные аспекты и стилистические особенности текстов (в последующих изданиях в сносках приводятся только названия произведений и даты жизни упомянутых авторов). Так, романы Смоллетта *«дают картину характеров и нравов некоторых слоев английского общества... его торийские убеждения дают себя чувствовать на страницах его романов; язык романов отличается некоторой грубостью»*. Мы узнаем, что «Хамфри Клинкер» — один из лучших романов Смоллетта, тогда как «История» Смоллетта — *«наспех написанная многотомная компиляция, не*

ния чуждых нам эпох человеческой истории в круг внимания нового человека социалистической культуры, мы хотели бы дать последнему не только текст памятника, но и разъяснение его значения в истории человеческой мысли...» [Каменев 1934: 6–7].

⁸ Это издательство было создано при одноименной газете и не имело конкретной специализации: в нем выходили произведения М. Зощенко, рассказы О. Генри и А. Конан Дойла (как приложения к газете).

имеющая научного значения». «История Англии» Юма, по наблюдению Шпета, «лишена критического отношения к источникам», а «изложение исторической доли духовенства... сопровождается разоблачением их нетерпимости...». Так более наглядным становится контраст между нетривиальным умом Бекки и ограниченностью мистера Кроули.

Переводческая установка Дьяконова и комментаторская стратегия Шпета ориентированы на углубленное понимание английской культуры, на расширение кругозора читателей. Им в большей степени, чем ранним переводчикам, удастся передать эстетическое и культурное своеобразие густонаселенного, материального теккеревского мира. Последующие редакции не слишком сильно изменили перевод, и он до сих пор остается наиболее полным и точным воплощением романа Теккерея на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородянский И.А.* Перевод И.И. Введенским фразеологии в произведениях Диккенса и Теккерея // Тетради переводчика. Ученые записки. М., 1964. № 2. С. 100–108.
2. *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблема комментирования // НЛО. 2004. № 66. С. 70–74.
3. *Гензев Е.Ю.* Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. М., 1989.
4. Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / отв. ред.–сост. Т.Г. Щедрина. М., 2012.
5. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
6. *Каменев Л.Б.* Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий, план. М., 1934.
7. *Ланчиков В.И.* Идиолект напрокат. Гоголевские реминисценции в переводах И.И. Введенского // Тетради переводчика. 2007. № 26. С. 173–182.
8. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985.
9. *Маликова М.Э.* К описанию «филологического перевода» в 1930-е годы: А.А. Франковский — переводчик английского романа XVIII века // *Studia Literarum*. 2017. Т. 2. № 3.
10. Художественно-филологический перевод 1920-1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина; отв. ред. М.Э. Баскина, В.В. Филичева. СПб., 2022.
11. *Peters C.* Thackeray's universe: shifting worlds of imagination and reality. N.Y., 1987.

REFERENCES

1. Borodyanskij I.A. *Perevod I.I. Vvedenskij frazologii v proizvedenijah Dikensa i Thackeraya* [I.I. Vvedenskii's translation of phraseology in the works of Dickens and Thackeray]. *Tetradj perevodchika* [Translator's Notebooks], 1964. № 2, pp. 100–108.
2. Gasparov M.L. Yu. M. Lotman i problema kommentirovaniya [Yu.M. Lotman and the problem of commenting]. *NLO*, 2004. No. 66, pp. 70–74.

3. Genieva E.Yu. William Makepeace Thackeray. Tvorchestvo; Vospominaniya; Bibliograficheskie razyskaniya [William Makepeace Thackeray. Works; Memories; Bibliographic research]. M.: *Knizhnaya palata*, 1989.
4. Gustav Shpet: Filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma [Gustav Shpet: A philosopher in culture. Documents and letters]. Ed. by T.G. Shchedrina. M.: *Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2012.
5. Dyakonov I.M. Kniga vospominaniy [Book of memoirs]. SPb.: *Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga, Evropeyskiy Dom, Evropeyskiy Universitet v Sankt-Peterburge*, 1995.
6. Kamenev L.B. Izdatel'stvo "Academia" k XVII sezdru VKP(b). Zadachi, perechen' izdaniy, plan [Publishing House "Academia" for the 7th Congress of the Russian Communist Party. Aims, editions, plan]. M., L.: *Academia*, 1934.
7. Lanchikov V.I. Idiolekt naprokat. Gogolevskie reministsentsii v perevodakh I.I. Vvedenskogo [Idiolect for rent. Gogol's reminiscences in the translations of I.I. Vvedenskii]. *Tetradi perevodchika* [Translator's Notebooks], 2007. № 26, pp. 173–182.
8. Levin Yu.D. Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda [Russian translators of the XIX century and the evolution of literary translation]. L.: *Nauka Publ.*, 1985.
9. Malikova M.E. K opisaniyu "filologicheskogo perevoda" v 1930-e gody: A.A. Frankovskiy — perevodchik angliyskogo romana XVIII veka [Towards the description of "Philological Translation" in the 1930s: Adrian Frankovsky as translator of the 18th century English novel]. *Studia Litterarum*, 2017. Vol. 2. № 3, pp. 10–45.
10. Khudozhestvenno-filologicheskii perevod 1920-1930-kh godov [Artistic-philological translation in the 1920-1930s] / Ed. by M.E. Baskina. SPb.: *Nestor-Istoria Publ.*, 2021.
11. Peters C. Thackeray's universe: shifting worlds of imagination and reality. N.Y.: *Oxford UP*, 1987.

Поступила в редакцию 12.12.2022
 Принята к публикации 21.02.2023
 Отредактирована 25.02.2023

Received 12.12.2022
 Accepted 21.02.2023
 Revised 25.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Мария Андреевна Сизарева — магистрант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; msizareva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maria Sizareva — Master's Student, Department of Discourse and Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; msizareva@gmail.com